

ARTUR SADECKI

LUBLIN

Самый близкий – самый далекий: локальные стереотипы в рассказе *Грабеж* Н. С. Лескова

Рассказ *Грабеж* (1887) Николая Семеновича Лескова принадлежит к числу развлекательно-бытовых произведений, действие которых происходит в родных местах автора – Орловской губернии. Так как Лескову не давались вымышленные сюжеты, он „стремился к предельной, документальной (...) достоверности, и бытовой, и даже этнографической, в изображении русской жизни”¹. Тщательные наблюдения автора, особенно в его родной среде, позволяют искать в его произведениях как литературной, так и антропологической истины.

Герой рассказа, Михайло Михайлыч, вид типичного у Лескова героя-праведника², рассказывает историю своей юности, когда вместе со своим дядей по воле несчастного случая они ограбили человека. Визит дяди из Ельца в Орле, связанный с поиском нового дьякона для елецкой церкви, в первую очередь, дает возможность показать механизм функционирования стереотипов в локальной среде.

Тема стереотипов с момента возникновения этого понятия (У. Липпман, 20-е годы XX века) широко распространилась в гуманитарных науках. „Образ в голове” или „устоявшееся отношение к чему-л.” – сегодня это не только научный вопрос, но тоже часть публичного и частного дискурса. Мы хотим обратить внимание на связь стереотипов с одной из основных когнитивных способностей человека: восприятием мира в оппозиции я/другой (а затем: свой/чужой). Как пишет Ежи Бартминьский, оппозиция свой/чужой является орудием создания национальной, религиозной, локальной, или в общем

¹ Б. Богданов, *Н.С. Лесков в русской литературе*, [в:] *В мире Лескова*, Сборник статей, Москва 1983, с. 9.

² См.: В.И. Кулешов, *История русской литературы XIX века, 70-90е годы*, Москва 1983, с. 81-83.

групповой идентичности³. Групповая идентичность возникает в процессе социальных отношений между людьми, т.е. автономными „я”. С одной стороны – это обозначает неизбежный характер категоризации мира в оппозиции я/другой. Эффектом (следовательно и орудием) такой категоризации становятся именно стереотипы. С другой стороны, групповая идентичность варьируется в зависимости от разных факторов: чувства принадлежности в один момент к разным группам, отношения к группе как к целому (напр., положительное отношение к родной стране, но уже не к каждому городу и т.д.), степени свободы выбора группы и др. В рассказе *Грабеж* показан пример отношений между жителями двух городов. Особенный интерес и поощрение к анализу вызывает то, что эти герои связаны тоже семейными отношениями.

Логическое последствие категории свой/чужой – ввести в текст произведения хотя бы двух героев, которые принадлежат к разным группам⁴. Лесков вводит с одной стороны дядю Ивана Леонтьича из Ельца (вместе с ним в Орел приезжает „первый прихожанин елецкой церкви” Павел Мироныч Мукомол), с другой – рассказчика и героя Михайло Михайлыча (19-летний юноша) из Орла. Однако эти стандартные отношения осложняются присутствием еще двух героинь – Арины Леонтьевны (матери Михайла и сестры Ивана Леонтьича) и тетеньки Катерины Леонтьевны, которые раньше жили в Ельце:

Матушка и тетенька были из Ельца и там, в Ельце и в Ливнах, очень хорошее родство имели, но редко с своими виделись, потому что елецкие купцы любят перед орловскими гордиться и в компании часто бывают воители⁵.

Здесь рассказчик впервые относится к предмету нашего анализа. Интересно, что он не толкует поведения елецких купцов – это значит, что скорее всего причины давно уже забыты и сейчас продолжается традиционный, „стереотипный” *status quo*. Представитель елецкой точки зрения, Иван Леонтьич, приезжает к семье и просит помощи. Дядя хочет, чтобы Михайло сопровождал его два раза в гостиницу, в которой будет проходить проба голосов двух дьяконов; в награду,

³ J. Bartmiński, *Opozycja swój/obcy a problem językowego obrazu świata*, „Etnolingwistyka” nr 19, Lublin 2007, s. 39.

⁴ Даже если второй из героев приводится в словах или мыслях первого и не существует „реально” перед читателем – отличный пример находится хотя бы в драме *О вреде табака* А.П. Чехова.

⁵ Н.С. Лесков, *Грабеж*, [в:] Н.С. Лесков, *Повести и рассказы*, Москва 2006, с. 310. В дальнейшем все ссылки даются по этому же изданию, страницы указываются в скобках.

во время первого путешествия, молодой герой получает часы. Вторжение дяди не только завязывает сюжет, но и вводит контрастные эмоции в жизнь скромной семьи. Уже сначала Ивану Леонтьичу не нравится то, что он вынужден ждать у закрытых дверей (ведь холодно, опасно). На слова сестры о том, что они боятся воров, отвечает:

(...) у всех одно положение: Орел да Кромы – первые воровы, а Карачев на придачу, а Елец всем ворам отец [с. 314].

Поговорки, как часть языкового образа мира, несут устоявшиеся взгляды на жизнь. И Орел и Елец оказываются тогда в групповом сознании неприятными, опасными местами. Хотя таким способом герой сравнивает оба города (включает их в состав общего, вплоть до общенационального стереотипа), потом всё-таки хуже, на антропологическом уровне, относится к Орлу. После приветствия дядя начинает с описания истории о елецком дьяконе, которому „жила и лопнула”. Никто об этом не знает, что вызывает дерзкий комментарий Ивана Леонтьича: „Да ведь у вас когда же о чем-нибудь интересном слышат! Такой уж у вас город глосхлый” [с. 314]. Сразу же бросается в глаза склонность к обобщению. На вопрос сестры, что случилось со священником дальше („умер?”), дядя отвечает, будто бросая вызов: „Купцы не допустили: лекаря наняли. Наши купцы разве так бросят?” [с. 314]. Высказывания Ивана Леонтьича ясно доказывают, что категоризация мира в категориях свой/чужой сильно укоренилась в его сознании, а затем – она переходит на аксиологическом уровне в оппозицию я – лучше/другой – хуже. Подтверждают это очередные комментарии дяди:

У вас и город-то не то город, не то пожарище – ни на что не похож, и сами-то вы в нем все, как копчушки в коробке, заглохли! Нет, далеко вам до нашего Ельца, даром что вы губернские. Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок, а у вас что и есть хорошего, так вы и то ценить не можете. Вот мы это-то самое у вас и отберем [с. 315].

„Это-то самое” – способные к пению дьяконы. Затем наступает спор; мать и тетенька не хотят пустить юношу вместе с дядей. Михайло, герой и рассказчик, жил до сих пор дома – скромный, честный, запуганный ребенок. Никто не знал, что юноша любил „на кулачки биться”, когда начинались соревноваться мещане с семинаристами. „Сила моя и удаль нудили меня” [с. 311] – признается к греху пожилой уже рассказчик. Иван Леонтьич замечает крепкое телосложение племянника и хочет, между прочим, чтобы он помог ему

безопасно прожить воровской час в городе. Ссора кончается победой дяди („не в одном Ельце уважают родственность” [с. 317] – отвечает Арина Леонтьевна, что в свою очередь является первой попыткой защитить свою локальную честь). Совместные приключения Ивана Леонтьича и Михайла приносят и пользу – ведь это ритуал ознакомления со взрослой жизнью – и несчастье: именно грабеж.

Дядя и его племянник, как жители разных городов, находятся на противоположных концах оппозиции свой/чужой (мать и тетенька связаны с обоими городами). Интересно, однако, что автор позволяет доминировать в этом локальном дискурсе всегда только дяде. Когда он узнает, что Михайло стыдится ехать на извозчике, комментирует:

Неужели, – говорит, – у вас в Орле уже все подряд дураки, что будут думать, будто старый дядя станет тебя куда-нибудь по дурным местам возить? [с. 320].

Ясное пренебрежительное определение жителей Орла не встречает сопротивления. Также другие слова, хотя бы о том, что Ивану Леонтьичу постоянно небезопасно пребывать в этом городе, не вызывают ответа со стороны юноши. Михайло не придает значения насмешке дяди, остается скромным мальчиком, зато в защиту становятся его мать и тетенька.

Катерина Леонтьевна сначала идеализирует Елец:

Ты смотри: здешние, орловские [женщины], все как переверчены – не то они купчихи, не то благородные. За офицеров выходят. А ты проси мать, чтобы она взяла тебе жену из Ельца, откуда мы сами с ней родом. Там в купечестве мужчины гуляки, но невесты есть настоящие девицы: не щепотницы, а скромные – на офицеров не смотрят, а в платочке молиться ходят и старым русским крестом крестятся. На такой как женишься, то и благодать в дом приведешь, и сам с женой по-старому молиться начнешь [с. 312].

Как видим, оценка зависит от религиозности жителей. Тетенька внушает, что в Ельце люди ведут себя более морально и ее взгляды кажутся ближе правды, чем полны злой иронии высказывания Ивана Леонтьича. Однако сомнение вызывает фрагмент разговора о подарке:

- Зачем же это, – говорит [тетенька], – часы серебряные, а ободок желтый?
- Это, – отвечаю, – самое модное в Ельце.
- Пустяки какие, – говорит, – у них в Ельце выдумывают. Старики

умнее в Ельце жили – все носили одного звания: серебряные часы так серебряные, а золотые так золотые; а это на что одно с другим совокулнено насильно, что Бог разню по земле рассеял [с. 320].

Память о старом облике города, как видно, не соответствует уже настоящей действительности, поэтому и Катерина Леонтьевна не в состоянии доказать, что ее брат в своей надменности прав. В конце концов оказывается, что героиня не отождествляется с современным Ельцом. Когда друг Ивана Леонтьича говорит, чтобы тот взял с собой Мишу („пусть медных пятакон в перчатку возьмет, тогда и крепок сделается” [с. 322]), тетенька возражает:

- Ишь что выдумает!
- Ну, а чем я худо сказал?
- На все у вас в Ельце, видно, свое правило.
- А то как же? У вас губернатор правила уставляет, а у нас губернатора нет, – вот мы зато и сами себе даем правило.
- Как бить человека?
- Да, и как бить человека есть правила [с. 322].

Когда героиня говорит: „у вас в Ельце”, она окончательно разрывает связь с современным городом – своим для нее остается старый Елец, который она помнит, – и одновременно приближается она к Орлу, который кажется более правовым.

Мать Миши – это спокойная женщина. Она не воспринимает мира, столь сильно разделяя людей на своих и чужих, однако также обращается к локальным стереотипам. Это натуральная форма защиты перед вызовами Ивана Леонтьича. Героиня пробует показать своему сыну, что на грубые слова надо отвечать смирением, но замечает, что дядя сильно завладевает вниманием юноши, поэтому реагирует. Когда герои во второй раз выходят из дома, мать шепчет:

Ты на своего дяденьку Ивана Леонтьевича не очень смотри: они в Ельце все колобродники. К ним даже и в дома-то их ходить страшно: чиновников зазовут угощать, а потом в рот силой льют, или выливают за ворот, и шубы спрячут, и ворота запрут, и запоют: «Кто не хочет пить – того будем бить». Я своего братца на этот счет знаю [с. 324].

В общем, какова причина этих столкновений? Вспомним, что рассказчик не определяет, откуда происходит гордость елецких купцов, но если обратить внимание на некоторые высказывания героев, можно поставить хотя бы одну гипотезу. Иван, что мы уже заметили, говорит: „Даром что вы губерньские. Наш Елец хоть уезд-городок,

да Москвы уголок”; его друг, Мукомол, добавляет: „У вас губернатор правила уставляет, а у нас губернатора нет, - вот мы зато и сами себе даем правило”. Каждый из них пытается доказать, какая польза от того, что их город не губернский. Выдумывают, например, анархистскую свободу, но вряд ли это поможет возместить отсутствие общенационального престижа. Прямым доказательством комплексов и зависти может служить то, что каждая атака (надменность, шутка, оскорбление) начинается с елецкой стороны. Ответы семьи Миши – это самозащита.

Самое важное в поведении Ивана Леонтьича то, несмотря уже на причину, что герой нарушает натуральную иерархию ценностей. Все чужое – он встречает с непреодолимой неприязнью или пренебрежением, то, что свое – с сильным чувством, если не экзальтацией (Мукомол перед встречей с дьяконами говорит: „Надо их сравнить и тогда для всех безобидное решение сделать. Который к нашему елецкому фасону больше потрафит – о том станем хлопотать и к себе его сманим” [с. 322]). За *свое* герой принимает прежде всего свою локальную среду. Оттуда и берутся его многие обобщения, применяемые им в разговоре с семьей – черты сестер он принимает как черты всех жителей Орла и, наоборот, к ним относит общие локальные стереотипы. Елецкий фасон, т.е. локальная идентичность, оказывается для героя более важной, чем семейные связи. Поэтому и Иван говорит во время разговора со своей семьей дома в Орле: „Я вот этих сумерек у них в Орле боюсь” [с. 322].

Автор многими красками чертит разные стороны оппозиции я/другой, но его анализ не останавливается на одном лишь наблюдении. „Лесков в совершенстве владеет искусством построения обычного сюжета, основанного на непосредственной связи всех героев и событий с единой, закономерно развивающейся фабулой”⁶. Герои проверяют свои способы концептуализации мира в конце рассказа в настоящем столкновении с действительным миром.

Когда дьяконы поют в гостинице, начинается ссора Мукомола с местными жителями – родственниками гостинника. Михайло и Иван Леонтьич убегают и пытаются вернуться домой. Из-за плохой погоды Миша почти не замечает дорогу, поднимается напряжение, воровской час вызывает страх. Герои начинают разговаривать о подлетах⁷, мимо мелких разниц, находят новые сходства даже в такой странной области, как локальные преступники:

⁶ Б.М. Другов, *Н.С. Лесков. Очерк творчества*, Москва 1961, с. 179.

⁷ Известное у Лескова слово, обозначающее в орловском говоре воришку.

– У нас в Ельце на это носят кистени; но чтобы свайкой – я это в первый раз слышу.

– А у нас в Орле первая самая любимая мода – по голове свайкой. Так череп и треснет [с. 333].

И Михайло, и его дядя подтверждают тем самым раньше приведенный общий стереотип Орла и Ельца, как опасных мест. Вдруг кто-то нападает на них и бежит дальше. Михайло обнаруживает, что исчезли его часы, дядя теряет бобровый картуз. Герои кинулись за подлетом, нашли часы, а незнакомого „начали утюжить и по-елецки и по-орловски” [с. 334]. Это юмористическое замечание является окончательным символом сближения героев. Радость и гордость исчезают после возвращения домой, оказывается, что Миша оставил свои часы в комнате. Защита оказывается тогда преступлением, вся семья страдает, рассказ кончается визитом в отделении полиции и „исповедью” героев. Выяснилось, что по странному стечению обстоятельств дядя и племянник ограбили и избили одного из дьяконов (второй также в эту ночь пострадал). Дело, к счастью, кончается мирно (при помощи взятки), герои возвращаются домой.

Сближение героев в момент преступления важно – пропадает честь елецкого купца, который становится воришкой. Исчезает и „хорошее” имя Миши, который никогда не был похож на стереотипного жителя Орла (честный, благочестивый; после грабежа, когда узнал правду, хотел даже покончить с собой). Благодаря этому унижение героев – это не только авторское средство наказания Ивана Леонтьича за его поведение; открывается более широкий антропологический смысл: хотя люди оцениваются и по стереотипам, и по настоящим чертам, Лесков припоминает, что на самом деле каждый человек ровен друг другу.

Конечно, смысл истории сводится к тому, что оба дьякона не соглашаются поехать в Елец:

(...) Ведь мы его к себе в Елец берем.

А дьякон так обиделся, что совсем и не в ту сторону.

– Нет, – говорит, – позвольте еще, чтобы я в Елец согласился. Бог с вами совсем: только упросили, и сейчас же на первый случай такое надо мной обхождение [с. 342].

Таким образом, елецкие купцы получают и индивидуальное наказание, а смысл произведения распространяется на тему города – нельзя доказать, который город лучше, правда в языковом образе мира (стереотипы) никогда не совпадает до конца с действительностью.

Хотя Орел и Елец – это не самые близкие „соседи” (сегодня путь машиной занимает 2,5 часа), но они в XIX веке находились в одной губернии, соединены торговлей, семейными связями жителей. Если посмотреть на величину целой страны, достоверным оказывается определение их как самых близких городов. Откуда затем взялись эти парадоксальные разницы и стереотипы? Бартминьский пишет, что оппозиция свой/чужой появляется лишь тогда, когда наступает общественный контакт⁸. Эта черта человеческого сознания находит подтверждение не только в научных анализах, но и в художественной литературе. Для жителей Ельца другой – это прежде всего человек из города, с которым могут сравнивать свое место жительства (какие же знания у них о других городах, например в далекой Сибири?), когда хотя бы мелкие отличия все-таки более очевидны. Возможный парадокс находит научное толкование: мы признаем возможным определить семью Миши и елецких купцов как одновременно самых близких и самых далеких друг другу людей.

⁸ J. Bartmiński, *Opozycja swój/obcy a problem językowego obrazu świata...*, s. 43.

SUMMARY**The closest – the furthest, the local stereotypes
in the short story *Robbery* by N. S. Leskov**

This article aims to explore the ways in which stereotypes related to the citizens of two nearby cities function in the short story *Robbery* by N. S. Leskov. Stereotypes result from the basic cognitive ability of a man - the perception of the world in opposition own/alien. The characters living in the city of Elets demonstrate their superiority over the citizens of Orel, and they also seem to ridicule the Orel people which may as well result from their jealousy over the higher prestige of the other city. The intensely negative value of the category of alien leads to the situation in which, for one of the characters the local identity becomes more important than family ties. As a result of a series of unfortunate events, it turns out that stereotypes are untrue, and simultaneously the anthropological truth that all the people are equal is emphasized by the author.